

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 141

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ Ф. БЭКОНА С ПОЗИЦИЙ «ОСТРОВНОГО» ПОДХОДА

А.Ф. Кудряшев*

*ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия
e-mail: philozof@mail.ru.*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности «островного» типа мышления, противопоставленного его «континентальному» типу. Проводится связь между философией Ф. Бэкона и «островным» мышлением. Делается вывод, что противопоставление «эмпирического» и «метафизического» более свойственно философско-методологической концепции Ф. Бэкона, чем различию «островного» и «континентального» типов мышления.

Ключевые слова: философия, метафизика, учение Ф. Бэкона, «островное» мышление, английский менталитет.

It's only an island if you look at it from the water.

Это остров, только если смотреть с воды.

Из к/ф «Челюсти» («Jaws», 1975) **

Исполнилось 400 лет со дня опубликования «Нового Органона» Ф. Бэкона (12 октября 1620 года). Юбилейная дата повлекла за собой новую волну внимания к творчеству английского философа. Обратимся и мы к проблеме взаимосвязи его философско-методологической концепции и особенностей «островного» типа мышления, выразителем которого применительно к научному познанию можно видеть Ф. Бэкона. Вообще говоря, сравнение островного и континентального мышления в их принципиальных основах – тема давно известная, волнующая, прежде всего, представителей стран, распола-

---

* КУДРЯШЕВ Александр Федорович – профессор, доктор философских наук, и.о. заведующего кафедрой философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (БашГУ).

** Совершенно неожиданно получилось забавное символическое сочетание двух слов: названия нашедшего в свое время американского фильма, если брать слово в названии в единственном числе, и фамилии Фрэнсиса Бэкона. – jaw и Bacon. Получается jaw-bacon, что с английского языка переводится «умудренный опытом человек», «старик». Пожалуй, для Фрэнсиса Бэкона как философа первое значение оказывается весьма удачным, и, несомненно, накопленный им солидный жизненный багаж достойно отразился в содержании его философии.

гающихся на островах. Будучи весьма обширной, данная тема включает в себя, в частности, сравнение ряда научных направлений, например, в области экономики, а также философских концепций. При попытках углубиться в содержание этой темы почти сразу же выясняются и условность выделения менталитетов двух типов, и значительная степень схематизации, которая здесь допускается. Тем не менее в идейных истоках принципиальных расхождений можно ожидать большей определенности выражения таких различий, чем в современных текстах, не так уж редко составленных из обрывков мыслей исторических предшественников и современников авторов этих текстов. В результате создается обширная «мозаичная картина» мнений и предположений, никак не дающая целостного образа того, что можно было бы считать смысловой доминантой авторского дискурса. В древности же обширную мозаику из обрывков философских мыслей составить было невозможно: история философии была еще короткой. И хотя Бэконовское учение древним назвать никак нельзя, но корни этого учения, вне всякого сомнения, уходят в древнюю историю Европейского континента и того географического региона Земного шара, который, в конце концов, был назван Англией. В качестве образцов для проведения указанного сравнения типов мышления логично было бы рассмотреть философско-методологические концепции по крайней мере двух творцов научной методологии Нового времени – Ф. Бэкона и Р. Декарта. Конечно, «представительство» континентальных и островных образцов философской мысли можно значительно расширить. Однако в данной статье мы ограничимся вопросом о характерных чертах лишь философско-методологической концепции Фрэнсиса Бэкона, взятой как образец островного мышления не только по факту ее происхождения, но и по ее соответствию «национальному духу» англичан. Откуда взялся этот «национальный дух»? Ответ известен: то обстоятельство, «...что англичане живут на острове, отделенные от всей остальной Европы и всего мира, создало совершенно особый национальный характер англичан» [3, с. 35]. Отметим еще, что понятия «мышление» и «менталитет» различаются нами как рациональная и дорациональная формы отношения к миру, но в обоих случаях речь идет о коллективном опыте определенной социальной общности, в нашем случае – общности, проживающей на Британских островах.

В Англии, как известно, живут англичане – насколько строгим является это утверждение, кажущееся тавтологичным? Если подходить к вопросу с этнических позиций, а не с точки зрения, согласно которой всякий житель Англии есть англичанин, то англичане составляют национальное большинство населения Англии. В таком случае, говорить об английском менталитете как о менталитете, общем для всех людей, населяющих Англию, означает игнорирование ментальных особенностей, свойственных другим национальностям (шотландцам, ирландцам, валлийцам и т.д.). Однако там, где речь идет

о науке, интерсубъективность знания позволяет забыть об этнических различиях, становящихся важными в ряде других отношений.

Сущность различия между островным и континентальным менталитетами, названными так по «географическому» критерию, нередко раскрывают как различие эмпирического и метафизического понимания мира. Например, в таком духе в 1891 году оценивала ситуацию в европейской философии, сложившуюся в ее «Бэконовский период», педагог-математик Елизавета Федоровна Литвинова (1845–1919), автор нескольких биографических эссе, в том числе эссе, посвященного Ф. Бэкону. Мнение Е.Ф. Литвиновой на этот счет вряд ли было вполне самостоятельным, причем для нас важно, что оно содержит характерное обобщение атрибутивного типа: «...семена реального знания уже витали в воздухе. Такое знание вполне отвечало духу английского народа, мало склонного к метафизике» [7, гл. II]. Понятно, что подоплекой приведенной оценки является противопоставление «духа» островного народа и народов, населяющих континентальную часть Европы. Вместе с тем существует и другой подход, правда, выраженный не столь категорично, как вышеуказанный, поскольку содержит характерную оговорку о частичной справедливости высказанной мысли, предполагающую ее частичную «несправедливость». Русский философ П.А. Флоренский в 1909 году высказался следующим образом: «Кто не слыхивал о знаменитом споре между Ньютоном и Лейбницем – этими верховными представителями культуры XVII в.? И – вы знаете, конечно, – начало этому прискорбному спору положила борьба за первенство в открытии дифференциального исчисления. Но едва ли для всех столь же известно, что спор этот, – на первый взгляд кажущийся пожаром разгоревшихся ученых самолюбий, – что он имел весьма глубокий смысл и был столкновением двух противоположных способов мышления, отчасти, быть может, привязанных к особенностям англосаксонской и немецкой народностей» [10, с. 13].

Но в современном мире многое из того, что когда-то коренным образом различало менталитеты народов, является забытым, а сами различия уже не кажутся такими глубокими, как раньше. Черты «островного» мышления мы находим в континентальной Европе, а отдельные признаки «континентального» мышления обнаруживаем у философов, обитающих на Британских островах. Однако и то, что мы назвали истоками принципиальных расхождений двух менталитетов, является отнюдь не таким простым, как могло бы показаться на первый взгляд. Дело в том, что территория современной Англии заселялась на протяжении нескольких исторических периодов, в чем поучаствовали разные народы, приносившие с собой все особенности своей культуры. Причем все они прибывали на острова с континента. Кельты, которых римляне называли галлами, появились в Британии в VI веке до нашей эры. Следующее вторжение осуществили римляне в I веке уже нашей эры, поки-

нувшие острова в V веке. Затем последовали вторжения сначала ютов, потом англосаксов, снова ютов. Англосаксы и юты основали семь королевств, соперничество между которыми с течением времени привело к созданию единого государства Англии. Между тем вторжения продолжались. В VIII веке на Британских островах появляются викинги, славившиеся своими мореходными качествами. А в XI веке страну завоевывают франко-норманны, принеся с собой французский язык и соответствующие традиции. В Англии на три столетия распространилось трехязычие (французский, латинский и англосаксонский языки). В конце концов, в XIV веке в стране утверждается английский язык и формируется английская нация. Добавим сюда многочисленные столкновения на религиозной почве, происходившие в течение нескольких сотен лет, предшествующих созданию института английской церкви – Церкви Англии. Но каким же образом из всей этой исторической мешанины событий, включающей многочисленные кровавые столкновения большого множества народов, получились те особенности английского менталитета, которые мы находим в качестве основы в методологии науки Ф. Бэкона? Верно ли, что переселенцы из стран Европейского континента стали думать несколько иначе, а значит, иначе и понимать тот мир, в котором жили и который создавали их континентальные предки?

Канва правдоподобной схемы рассуждений, которые могли бы браться как первое приближение к ответу на данный вопрос, могла бы выглядеть следующим образом. Островной образ жизни народа с необходимостью порождает в нем и оттачивает мореходное искусство, требующее постоянного внимания к местоположению мореплавателя, определения его географических координат по звездному небу и фактическим показаниям навигационных приборов. Никакие абстрактные предположения не могут подменить то, что мореплаватели наблюдают в действительности. Отсюда недалеко до вывода о решающем значении чувственного опыта в жизни людей, профессия которых непосредственно связана с дальними морскими переходами, будь то простые моряки, флотоводцы или морские торговцы. Кроме того, они были представителями той категории людей, усилиями которых богатеет страна: они присоединяли новые заморские территории, возвращались с доходами в казну, приносили с собой достоверную информацию географического, экономического, политического, культурного – и материального, и духовного – типов. Резонно предположить об их высоком социальном статусе, что вполне способно послужить оправданием закрепления особенностей их профессионального менталитета в качестве основы и менталитета всей нации, и нового научно-философского «истолкования природы», сформулированного Ф. Бэконом. Чувственное познание и чувственный опыт дают то, что называется фактом, а факты, как давно известно, – упрямая вещь. Впрочем, Ф. Бэкону мало самих наблюдений: ему нужны физические объяснения. В трактате

«О достоинстве и приумножении наук» он пишет, например: «...астрономия демонстрирует нам лишь внешнюю сторону небесных явлений..., своего рода «шкуру» неба, прекрасную, искусно и ловко сшитую, но лишенную внутренностей (то есть физических обоснований), из которых с помощью астрономических гипотез можно было бы вывести теорию...» [2, с. 211]. Именно теория позволяет не только объяснить то, что дает уже проведенный опыт, но и предсказывать результаты опытов, которые еще будут проведены.

Мышление, которое можно назвать континентальным, строится по-другому. Правда, необходимо отметить, что и в континентальных странах, издавна являющихся морскими державами (это, прежде всего, Португалия, Испания, Франция, Голландия), тоже хватало «морских волков». Но имеется «маленькая» деталь, которая могла иметь решающее значение: наряду с теми морскими успехами, которые были у Англии в борьбе за колонии, она все же гнездилась на островах. А то, что переселений народов и кровавых военных столкновений, в том числе на религиозной почве, на континенте за тот же исторический срок в суммарном количестве было, безусловно, значительно больше, чем на Британских островах, могло способствовать развитию желания подняться над всей этой земной бессмыслицей и уйти в пространство чистой мысли трансцендентального субъекта и – еще выше – абсолютного разума. Р. Декарт, дающий здесь свой образец мышления, утверждает наличие в сознании людей ясных и отчетливых мыслей, непосредственно «схваченных» чисто интуитивно. Интуицию, как считал Р. Декарт, дополняет и развивает дедукция, делающая содержание выводов несколько менее ясным и отчетливым. Подобные схемы философских рассуждений у Ф. Бэкона именуются предвосхищением природы, но сам он предпочитает ее истолкование, потому что «пользование предвосхищениями и диалектикой уместно в науках, основанных на мнениях и воззрениях, ибо их дело достигнуть согласия, а не знания вещей» [1, с. 16]. Как видим, против предвосхищения природы Ф. Бэкон особо не возражает, но полагает, что научные знания таким путем получить нельзя. Чтобы еще более отдалить свой метод от схоластики, Ф. Бэкон много раз поясняет, что его индуктивный путь должен приводить не к самым высоким абстракциям и аксиомам предельного уровня обобщения, а к средним аксиомам.

Обычная интерпретация взглядов Ф. Бэкона настаивает на его отходе от теологии и метафизики, хотя «...все это было лишь началом преодоления метафизики» [4, с. 25]. Тем не менее в учении Ф. Бэкона все равно находят «преобладание метафизики» над диалектическими идеями [6, с. 115]. В последней ссылке речь идет, очевидно, о метафизике как противоположности диалектике, тогда как в предыдущем случае имеется в виду метафизика другого типа – как подмена конкретного эмпирического исследования абстрактно-умозрительными схемами рассуждений. «Разумеется, – писал академик

Т.И. Ойзерман, – метод, разработанный Бэконом, носит метафизический характер в энгельсовском (а частью и гегелевском) смысле слова, так как он игнорирует внутреннюю взаимообусловленность явлений, их изменение, противоречивое развитие. Однако метафизический метод Бэкона непримиримо враждебен тому методу, который был орудием построения спекулятивных метафизических систем» [8, с. 154]. Так часто бывает, когда одно и то же слово употребляется в разных значениях, и полностью избежать подобных различий не получается. Не получается не потому только, что в самом начале спора или изложения рассуждений, предназначенных для чтения, спорщики или автор и его читатели не договорились об определениях терминов, относительно чего имеются разные традиции и могут быть собственные точки зрения, но и потому, что это сделать невозможно из-за использования неопределяемых понятий, лишь некоторые из которых со временем смогут быть лучше осмыслены и обретут более строгие логические формы.

Так и с понятием «метафизика»: когда комментируют Ф. Бэкона, это понятие не обязательно трактуют в соответствии с определениями самого Ф. Бэкона. В 1623 году он предлагает считать, что «...физика – это наука, исследующая действующую причину и материю, метафизика – это наука о форме и конечной причине» [2, с. 210]. Кажется бы, автор дает определение понятию, в данном случае – метафизике, и всякие его различия исключены. Но немногим ранее, в «Новом Органоне» (1620), Ф. Бэкон пишет несколько иное, придавая «особый смысл общепринятому названию»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет метафизику.» [1, с. 87]. В 1623 году в определение метафизики, так или иначе, им был введен первотолчок, который физика Бэкона однозначно не принимала и исключала из своего содержания.

Делают ли Бэконовские определения понятия метафизики его содержание более строгим? Мы полагаем, что в значительной степени недоопределенность этого понятия все равно сохраняется. Проведем сопоставление, в котором высвечиваются не только сходство ситуации со значениями понятия «метафизика», но и прямые содержательные пересечения.

Относительно недавно историческое литературоведение обратилось к исследованию творчества современника Ф. Бэкона, английского поэта Джона Донна (John Donne, 1572–1631). Ф. Бэкон не мог читать изданных сочинений Дж. Донна (первая его книга вышла в 1633 году, когда их обоих уже не было на свете), но мог читать стихи Дж. Донна в рукописном виде, а также слышать его проповеди в соборе Святого Павла в Лондоне, в котором Дж. Донн с 1621 года был настоятелем. Это тот самый автор, слова которого приводит Э. Хемингуэй в качестве эпиграфа к роману «По ком звонит колокол». Начало цитаты: «Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий – часть континента...» (перевод А.В. Нестерова). Между тем до сих пор

распространено убеждение, что менталитет англичанина как раз противоположного склада: каждый англичанин склонен считать себя островом. Не случайно поэтический стиль Донна принято именовать метафизическим, и применительно к его творчеству и к творчеству близких ему по стилистике поэтов также используются термины «метафизическая школа» и «метафизическая поэзия». Сам Донн понятия «метафизика» и «метафизический» тоже употреблял [см.: 5, с. 3, прим. 1]. Конечно, содержание «метафизической поэзии» далеко не ограничивается сочинениями Джона Донна. Но нам важно проанализировать смысловые особенности той метафизики, которая здесь подразумевается и которая может пониматься пересекающейся с понятием метафизики у Ф. Бэкона, поскольку речь идет об одном и том же историческом периоде английской культуры. Кроме того, нам представляется необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что на Британских островах метафизическая традиция и до Ф. Бэкона, и после Ф. Бэкона не была утрачена, и проявляла она себя не только в религиозно-теологических формах, но и в формах литературно-поэтических.

Вот как характеризует метафизическую поэзию ее исследователь Е.А. Иконникова: «Под метафизической поэзией, не ограничивающейся исключительно рамками барокко, понимается, во-первых, та часть философской поэзии, которая выходит за пределы «физического» познания мира и связана с умозрительными поисками сущего, открытием нематериальных источников Бытия, во-вторых, поэзия, отчасти исповедующая духовные принципы той или иной религии и, в-третьих, полагаясь на то, что важной чертой языка первых метафизиков выступал синтез – стремление к восстановлению связи между земным и небесным, материальным и идеальным, описываемое явление представляет собой поэзию, которая позволяет соединение и взаимное обогащение слова слышимого и видимого, поэтического и научного, обыденного и высокого» [5, с. 8].

Ф. Бэкону тоже свойственны и первая, и вторая трактовки «метафизики», но в ее исконном употреблении к философским учениям, а не к поэтическому творчеству. Третью характеристику метафизики, как ее формулирует Е.А. Иконникова, в работах Ф. Бэкона трудно обнаружить, скорее, он разграничивал земное и небесное, и никакого их синтеза получить не пытался. Показателен, на наш взгляд, синонимический ряд, полученный в результате лингвистического анализа распространенного в научных и искусствоведческих трудах словоупотребления термина «метафизический». В этом ряду синонимов «...лексические единицы ...в ряде случаев совпадают по значению или тождественны понятию «метафизическое», а также могут являться базовыми при объяснении природы метафизического вообще: философское, онтологическое, духовное, трансцендентное, запредельное, потустороннее, мистическое, абсолютное и др.» [5, с. 8]. Данный список красноречиво свидетельствует, что бесполезно пытаться сводить понятие «метафизического» к одному или

двум его значениям: похоже, что их, по крайней мере, на порядок больше, и все они оказываются так или иначе задействованными в современных научных и философских публикациях, хотя возможно, что в разной степени.

Впрочем, в литературоведении высказывается и осторожная точка зрения, ограничивающая «метафизическую поэзию» стилистическими рамками, в соответствии с чем метафизический стиль напрочь лишается философского слоя смысла. «Так, в английской поэзии XVII в. доминирующим элементом метафизического стиля было барочное остроумие, воплощенное в метафорах кончетто, парадоксах, игре слов. Барочное остроумие открывало возможности для проявления свободной воли художника, оформляло мысль, рождавшуюся в процессе поэтического высказывания, провоцировало появление индивидуальной интонации в стихе, хотя и не предполагало полного отхода от нормативности» [9, с. 117]. Но тогда похоже, что понятие «метафизический» здесь явно не к месту, поэтому напрашивается его естественная замена более подходящим литературоведческим термином, хотя бы, к примеру, таким: «поэзия школы Донна». Здесь «школа» – не в смысле прямого ученичества, а в смысле поэтического влияния и наличия последователей (среди них в нашей отечественной поэзии особенно выделяют, как известно, Иосифа Бродского).

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на всю недоопределенность, наблюдаемую в отношении использования понятия «метафизика» Ф. Бэконом, противопоставление «эмпирического» и «метафизического» более свойственно его собственной философско-методологической концепции, чем различию островного и континентального типов мышления. Вместе с тем, в методологической концепции Ф. Бэкона была «схвачена» и закреплена определенная тенденция, ставшая одной из традиций английского менталитета, делающая упор на фактах, полученных на основе тщательно проведенных физических наблюдений и экспериментов. Несомненно также, что метафизика как таковая тоже не исчезла с горизонта мыслительной деятельности англичан и других народов, населяющих Британские острова. Метафизики-философы – не только метафизики-поэты – не могли уйти в небытие вообще: их поддерживала хотя бы духовная составляющая религиозных верований. При всем при том несомненно, что в философско-методологическом учении Фрэнсиса Бэкона заключено множество оригинальных черт, свидетельствующих, что в самом процессе его создания ярчайшим образом проявил себя личностный фактор, предстающий в виде необычайной творческой одаренности великого английского мыслителя.

Список литературы

1. Бэкон, Ф. Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Соч. в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.
2. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Соч. в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1977. – 567 с.

3. Джюева, А.А. Английский язык сквозь призму менталитета англичан: концепт «privacy» / А.А. Джюева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.titul.ru/uploads/journal/20/Journal_18_30_40.pdf
4. Заиченко, Г.А. Джон Локк / Г.А. Заиченко. – М.: Мысль, 1988. – 208 с.
5. Иконникова, Е.А. Типология метафизического в поэзии (на материале английской и русской литературы): дис. ...доктора филол. наук / Е.А. Иконникова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – 304 с.
6. История диалектики XIV–XVIII вв. – М.: Мысль, 1974. – 356 с.
7. Литвинова, Е.Ф. Фрэнсис Бэкон. Его жизнь, научные труды и общественная деятельность / Е.Ф. Литвинова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/litwinowa_e_f/text_1891_fransis_bacon.shtml
8. Ойзерман, Т.И. Главные философские направления: Теоретический анализ историко-философского процесса / Т.И. Ойзерман. – М.: Мысль, 1984. – 303 с.
9. Половинкина, О.И. «Метафизическая поэзия» и «метафизический стиль»: проблема терминологического переноса / О.И. Половинкина // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1. – С. 114–117.
10. Флоренский, П.А. Космологические антиномии Иммануила Канта / П.А. Флоренский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/29_Florensky.pdf

THE PHILOSOPHICAL TEACHING OF F. BACON FROM THE STANDPOINT OF THE «INSULAR» APPROACH

A.F. Kudryashev^{*}

Bashkir state University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

E-mail: philozof@mzil.ru

***Abstract.** The article considers the features of the «insular» type of thinking, opposed to its «continental» type. The connection between the philosophy of F. Bacon and «insular» thinking is made. It is concluded that the opposition of «empirical» and «metaphysical» is more peculiar to the philosophical and methodological concept of Bacon than to the difference between the «insular» and «continental» types of thinking.*

***Keywords:** philosophy, metaphysics, philosophical teaching of F. Bacon, «insular» thinking, English mentality.*

---

^{*}*KUDRYASHEV Alexander Fedorovich* – Professor, Doctor of Philosophy, Bashkir State University.